

УДК 821.0:398(479)
ББК 82(235.7)

КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

АЛЛА ИВАНОВНА АЛИЕВА

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. *Научное наследие выдающегося русского мыслителя и ученого-филолога Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), чьи труды в области филологии, этнологии, народоведения, истории культуры способствовали созданию новых научных направлений и дисциплин, уехавшего в эмиграцию в 1920 г., начало возвращаться на его родину только в 60-е годы XX столетия. На протяжении более чем полувека в нашей стране изданы капитальные исследования Н. С. Трубецкого, посвященные общему, европейскому и кавказскому языкознанию, истории русской литературы, проблемам евразийства. К сожалению, до сих пор не получили достойной оценки исследователей работы Н. С. Трубецкого, посвященные фольклору народов Северного Кавказа, главным образом фольклору адыгских народов.*

В статье впервые охарактеризована вся совокупность этих работ ученого, написанных им еще в студенческие годы. Воссоздана история двух экспедиций Н. С. Трубецкого в районы проживания адыгейцев в 1910 и 1911 гг., где он не только основательно изучил адыгейский язык, но и собрал значительный материал по языческой мифологии и фольклору адыгских народов, который был им исследован и подготовлен к печати, как и адыгейская грамматика. В статье кратко охарактеризована трагическая судьба этих материалов, безвозвратно утраченных.

Однако и через 20 лет Н. С. Трубецкой сумел восстановить многое, что сохранила его уникальная память, и опубликовать в статье «Воспоминания о пребывании у адыгейцев в районе Туапсе». Опубликованная на немецком языке в журнале «Caucasica», эта статья, до сих пор практически неизвестная российским кавказоведам, впервые публикуется в переводе на русский язык.

Ключевые слова: Трубецкой, мифология, фольклор, религиозные представления народов Северного Кавказа.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-0400006 «История российского академического кавказоведения в очерках и биографиях».

Дата поступления статьи: 30 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Алиева А. И. Кавказоведческое наследие Н. С. Трубецкого // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 127–139.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.1.011

25 июня 2018 г. исполнилось 80 лет со дня безвременной (ученому было всего 48 лет!) кончины Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), чье научное творчество «весьма многогранно и в то же время достаточно цельно, а его поиски непрото-

ренных, неизведанных путей лингвистики, филологии, истории культуры, этнологии и народоведения в самом широком смысле этого слова привели к открытию нескольких новых научных направлений и дисциплин» [Гамкрелидзе, Иванов, Толстой 1987, 492].

Богатейшее научное наследие Н. С. Трубецкого, покинувшего Россию в 1920 г., постепенно возвращается на его родину. В переводе на русский язык изданы его знаменитые «Основы фонологии» [Трубецкой 1960], опубликованы его важнейшие труды, посвященные общему, европейскому и кавказскому языкознанию [Трубецкой 1987], истории и поэтике русской литературы [Трубецкой 1995], проблемам евразийства [Трубецкой 2000], его переписка с Р. О. Якобсоном как важная составляющая его научного наследия [Trubetzkoy's letters and notes 1975], охарактеризован его жизненный путь [Клейнер 1985; Гамкрелидзе, Иванов, Толстой 1987; Топоров 1990; 1990а; Нерознак 1990; Трубецкой и современная филология 1993].

К сожалению, предметом специально-исследования до сих пор не стала вся совокупность работ Н. С. Трубецкого, посвященных фольклору адыгских народов, фиксацией и изучением которого он занялся еще в годы учебы в Московском университете и интерес к которому сохранял в течение всей жизни.

Такой пробел в изучении научного наследия Н. С. Трубецкого может быть объяснен не только небольшим количеством публикаций ученого на эту тему — до отъезда в эмиграцию он издал три статьи, посвященных фольклору народов Северного Кавказа [Н. С. Т. 1909; 1909а; Трубецкой 1911] и тезисы доклада [Этнография 1913], а в годы эмиграции — еще две статьи [Trubetzkoy 1934; Трубецкой 1941], но прежде всего событиями в истории России в начале XX в., резко изменившими и судьбу страны в целом, и судьбы отдельных людей, главным образом представителей российской интеллигенции, покинувших родину после Октябрьской революции. К ним принадлежал и Н. С. Трубецкой, важная часть научного наследия которого (прежде всего кавказоведческая) безвозвратно погибла в горниле сначала Гражданской, а потом и Второй мировой войны. Но обо всем по порядку.

Николай Сергеевич Трубецкой родился в Москве 16 апреля 1890 г. в семье знаменитого религиозного философа, профессора (а затем первого избранного ректора) Московского университета Сергея Николаевича Трубецкого [Jakobson 1939, 64]. Естественно, что у мальчика, росшего

в одной из самых просвещенных семей России, очень рано пробудился интерес к научным занятиям языками, этнографией и фольклором разных народов — сначала финно-угорских — под влиянием известного археолога, исследователя поволжских финнов С. К. Кузнецова [Трубецкой 1913а]. Интерес к проблемам финноугроведения Н. С. Трубецкой будет развивать с 1905 г. — со своих гимназических и студенческих работ, опубликованных в журнале «Этнографическое обозрение» [Трубецкой 1906; Трубецкой 1906а; Трубецкой 1914], и на протяжении всей жизни; финские коллеги достойно оценят его вклад в финноугроведение, избрав Трубецкого почетным членом знаменитого Финно-угорского общества [Письмо Трубецкого от 25/IV-1923 г.].

Наряду с финно-угорскими, гимназист Трубецкой начинает осваивать палеоазиатские языки Восточной Сибири (здесь его консультировали такие выдающиеся исследователи, как В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг) и языки народов Северного Кавказа. К изучению последних Трубецкого привлек блестящий славист, востоковед и кавказовед В. Ф. Миллер, председатель Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, заседания которого Н. С. Трубецкой посещал с 14 лет [Jakobson 1939, 66].

В. Ф. Миллер вошел в историю российской науки не только как автор капитальных исследований истории, археологии, религии, языков, этнографии, эпиграфики, фольклора народов Северного Кавказа, но и как умелый воспитатель исследователей языков, традиционной культуры, фольклора разных народов нашей страны, прежде всего Кавказа. Под несомненным влиянием В. Ф. Миллера у Н. С. Трубецкого пробуждается интерес к истории культуры, социологии, философии культуры и философии истории народов Кавказа, к их языкам и фольклору.

В 1908 г. Н. С. Трубецкой поступил на философско-психологическое отделение историко-филологического факультета Московского университета, где изучал «этнопсихологию, философию истории и проблемы методологии» [Jakobson 1939, 67], но, поскольку его интересовало главным образом изучение языков, в третьем

семестре он перевелся на отделение сравнительного языковедения.

На этом отделении студентов учили латыни, греческому, балтийским и, конечно, славянским языкам. Прилежно осваивая насыщенную программу обязательных курсов, Н. С. Трубецкой не оставлял и занятий языками народов Кавказа, а также изучал их мифологию и фольклор. И это неслучайно: по справедливому замечанию Р. О. Якобсона, «... это было время расцвета русской фольклористики и этнолингвистики, которую возглавляла знаменитая историческая школа Миллера. Удивительно жизнеспособная, архаичная и многоязычная народная традиция России, ее древние этнические пересечения, ее пестрые и своеобразные формы, ее постоянное влияние на письменную традицию и ее богатое историческое и мифологическое содержание были для исследователя неисчерпаемым источником» [Там же, 66].

Совершенно закономерно, что изучением фольклора разных народов России занимались и университетские наставники Трубецкого — профессора А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и др., и его «одноклассники» — П. Г. Богатырев, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Н. Ф. Яковлев, Р. О. Якобсон, Б. И. Ярхо. Все они активно участвовали в работе Общества всеобщей литературы, Московской диалектологической комиссии, Московского лингвистического кружка и др., отправлялись в экспедиции для сбора лингвистических и фольклорных материалов и публиковали свои первые научные сочинения в журнале «Этнографическое обозрение» [Ярхо 1911; Соколов 1911; Елеонская 1914; Богатырев 1918].

Студент Н. С. Трубецкой не только внимательно изучает кавказоведческие издания (свидетельство тому — его содержательная рецензия на 37-й том знаменитой кавказоведческой серии «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» [Н. С. Т. 1909]), но и публикует свои первые исследования, посвященные мифологии и фольклору народов Северного Кавказа: «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли)» [Н. С. Т. 1909а] и «Редедя на Кавказе» [Трубецкой 1911].

В 1910 г. академик В. Ф. Миллер пригласил Н. С. Трубецкого провести часть

летних каникул на его даче на Кавказском побережье Черного моря и заняться там изучением языка черкесов [Trubetzkoy 1934, 1]. Здесь необходимо уточнение: В. Ф. Миллер, как, впрочем, и другие исследователи языков, истории, традиционной культуры, фольклора народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в., называет черкесами представителей разных народностей, входивших в одну из самых крупных этнических групп на Северном Кавказе — группу адыгских народностей. До середины XIX в. в нее входили кабардинцы и кяхи (букв.: «нижние адыги»). Под названием «кяхи» объединялись западные адыги (или адыгейцы) — шапсуги, абадзехи, мохошевцы, темиргоевцы, натухайцы, хатукаевцы. Часть их проживала на Черноморском побережье Кавказа, в районе города Туапсе, где находилась дача академика В. Ф. Миллера и куда летом 1910 г. отправился студент Н. С. Трубецкой.

Поскольку молодой ученый во время экспедиций 1910–1911 гг. жил *среди адыгейцев*, целеустремленно изучал их язык, религиозные представления, мифологию, фольклор, целесообразно и в этой статье, и в переводе статьи Н. С. Трубецкого, рассказывающей о его занятиях адыгским языком, мифологией, фольклором, заменить слово «черкесский» на «адыгейский», как это сделал А. С. Старостин в переводе статьи Н. С. Трубецкого «Латеральные согласные в северно-кавказских языках» [Трубецкой 1987, 439].

В отчете Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1910 г. сообщалось, что Трубецким были «обследованы по течению реки Аше <...> аулы Хаджи-ко и Лыготх (они же Красноалександровские <...>). Н. С. Трубецкой изучал в них все говоры адыгейского языка одновременно; особенно изучены им натухаджский (натухайский), хакучинский и бжедугский говоры. Им записаны 9 песен, 6 сказок, 6 нартовских сказаний и одна скороговорка, кроме того, 600 отдельных слов. Кроме того, собраны сведения о старой черкесской вере (адыгейской)» [Отчет 1911].

Еще больше материалов собрал Н. С. Трубецкой во время своей второй поездки к адыгейцам летом 1911 г.: «Князь Н. С. Трубецкой <...> продолжил

изучение быта, языка и фольклора адыгейцев. Им составлен обширный словарь, материалы по грамматике, сборник нартовских сказаний, записи сказок, песен, легенд, обрядов», — сообщалось в отчете о деятельности Этнографического отдела и состоящей при отделе Музыкально-этнографической комиссии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1910–1911 гг. [Отчет 1912].

Приведенные выше сведения о материалах по адыгейскому языку, мифологии и фольклору, собранных Трубецким во время летних каникул 1910–1911 гг., существенно дополнил сам ученый в своем письме к болгарскому профессору И. Шишманову от 27/IV-10/V-1920 г., к которому он обратился в поисках работы преподавателем в одном из болгарских вузов, уже покинув Россию: «Мои научные интересы и занятия всегда лежали в области этнографии и лингвистики. Кроме языков индоевропейских, я занимался и языками других семейств, угрофинскими, тюркскими и кавказскими. Последними я занимался особенно усиленно, еще студентом два раза ездил на Кавказ с специальной целью собирания лингвистических материалов. Мною записано большое количество адыгейских текстов, составлена адыгейская грамматика и словарь, я приступил к сравнительной грамматике языков Северного Кавказа, вполне отделив сравнительную фонетику восточно-кавказских (лезгиночеченских) языков» [Trubetzkoy's letters and notes 1975, 447].

Как видим, в 1910–1911 гг. Н. С. Трубецкой собрал значительный материал не только по адыгейскому языку, который он основательно изучил, но и по адыгейскому фольклору. В 1911 г. молодой ученый подготовил доклад «Редедя на Кавказе», который после обсуждения на заседании Этнографического отдела (где ценные замечания и предложения были высказаны известным исследователем русского былевого эпоса А. В. Марковым) был опубликован в журнале «Этнографическое обозрение» [Трубецкой 1911].

В 1913 г. Н. С. Трубецкой принял участие в работе XIII съезда естествоиспытателей и врачей в Тифлисе, на котором выступил с тремя докладами — «Остатки язычества у кяхских черкесов (т.е.

у адыгейцев. — А. А.) Черноморской губернии», «Из области северно-кавказского эпоса: встреча нарта Сосрыко с великаном», «Из области сравнительной морфологии восточно-кавказских языков» [Этнография 1913].

В контексте данной статьи особый интерес представляет доклад, посвященный анализу сказаний о центральном герое адыгского нартского эпоса — Сосрыко.

В 1913 г. Н. С. Трубецкой окончил Московский университет и по рекомендации своего учителя — профессора В. К. Поржезинского — был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и командирован в Лейпциг, где в том же 1913 г. «работал у проф. Бругманна, Лескина, Виндиша и Линднера» [Trubetzkoy's letters and notes 1975, 446]. На протяжении 1914–1915 гг. Н. С. Трубецкой успешно сдал магистерские экзамены, был принят в Московский университет на должность приват-доцента и читал на историко-филологическом факультете элементарный курс санскрита.

Летом 1917 г. — в связи с ухудшением здоровья — Н. С. Трубецкой получил отпуск в университете и отправился на Кавказ, взяв с собою все материалы по адыгейскому языку, мифологии и фольклору, собранные им в 1910–1911 гг., и все работы, написанные на их основе в течение прошедших пяти лет. Вихрь событий забросил его сначала в Баку, где он тяжело переболел тифом, затем в Кисловодск, а затем в Ростов, где в 1919 г. он был зачислен приват-доцентом, замещающим вакантную кафедру сравнительного языкознания в Донском (Ростовском) университете [Trubetzkoy's letters and notes 1975, 446].

19 декабря 1919 г. Трубецкой был эвакуирован в Крым, откуда 27 февраля 1920 г. выехал в Константинополь, затем на Принцевы острова и, наконец, в Болгарию.

Покидая Ростов, Н. С. Трубецкой, опасаясь за судьбу своих материалов по адыгейскому языку, мифологии и фольклору, сдал их в библиотеку Донского (Ростовского) университета, где они хранились до начала Великой Отечественной войны и оккупации Ростова. Во всяком случае, известный советский лингвист, исследователь дагестанских языков Е. А. Бокарев около 1940 г. «видел эти материалы

в Библиотеке Ростовского университета» [Трубецкой 1987, 495].

Предпринятые нами попытки разыскать материалы Н. С. Трубецкого не увенчались успехом: в письме № 14402/127 от 18.02.2004 г. замначальника Управления регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации Л. Б. Павленко сообщил: «Центральный архив ФСБ России научные труды Н. С. Трубецкого не хранит. Для дальнейшего поиска рекомендуем обратиться в Государственный архив Ростовской области» [Письмо замначальника].

Директор Государственного архива Ростовской области Н. А. Чумаков в письме от 20.09.2004 г. сообщил следующее: «К сожалению, работ Н. С. Трубецкого в Госархиве нет. Мы делали запрос в научную библиотеку Ростовского государственного университета. Ответ также отрицательный» [Письмо директора].

К этому письму приложены ксерокопии рукописного и машинописного экземпляров протокола № 70 заседания историко-филологического факультета Донского (Ростовского) университета от 27 апреля 1919 г., на котором обсуждалась кандидатура Н. С. Трубецкого на должность приват-доцента этого университета. И хотя молодой ученый, как мы знаем, не проработал в Московском университете в должности приват-доцента в течение трех лет, как полагалось по уставу, один из участников заседания — профессор Погорелов (инициалы его не указаны) — рекомендовал Н. С. Трубецкого «...как достойного кандидата на штатную должность доцента по кафедре сравнительного языковедения; г. Трубецкой заявил себя знающим и умеющим излагать предмет и вести преподавание, как свидетельствуют вступительная лекция и преподавание в нашем Университете» [Госархив].

Но Н. С. Трубецкой проработал в Донском университете меньше года и, как указано выше, 27 февраля 1920 г. отправился в эмиграцию.

По рекомендации знаменитого болгарского историка И. Шишманова, в 1905 г. приславшего студенту Трубецкому свою книгу «Критичен прѣглед на вѣпроса за происхождения на прабългарите» с автографом и надписью «Будущему историку древних болгар» [Trubetzkoy's letters and

notes 1975, 445], Н. С. Трубецкой был принят на должность доцента на кафедре сравнительного языковедения в Софийском университете.

Здесь молодой ученый много работал, именно здесь занялся исследованием проблем философии истории, здесь издал книгу «Европа и человечество» (София, 1920), положившую начало евразийству.

С 1922 г. Н. С. Трубецкой стал работать на кафедре славистики Венского университета, имевшей славную историю, связанную с именами таких выдающихся славистов, как Фр. Миклошич и В. Ягич. Здесь ученый преподавал старославянский, болгарский, сербско-хорватский, чешский, польский и русский языки, читал курсы по истории всех этих языков, по истории русской литературы (по древнерусской и литературе XIX в.), вел длинный ряд предметов.

Вот как писал Н. С. Трубецкой о своей работе в Венском университете финскому профессору Вильо Мансикке, с рецензии гимназиста Трубецкого на студенческую статью которого началась их творческая дружба и сотрудничество: «С тех пор, что я видел Вас в Москве, прошло уже много времени и произошло много перемен, между прочим, и в моей судьбе. От этнографии я перешел на лингвистику, сначала колебался между кавказоведением и индогерманистикой, а за последнее время стал славистом. Кафедра славянской филологии, которую я теперь занимаю в Венском Университете, не вполне соответствует моим интересам, т.к. читать приходится не только языки и народную словесность, но и новые славянские литературы, к которым я не чувствую особого влечения. Но условия работы настолько приличны здесь, что с этим неполным соответствием Кафедры моим специальным вкусом приходится мириться» [Письмо Трубецкого от 28/IV-1923 г.].

Но при такой невероятной нагрузке в университете (и при совсем некрепком здоровье) Трубецкой много и плодотворно работал — в центре его внимания были языковедение, фольклор, литература, культурология, историософия, национальный вопрос, политика. Для нас важно подчеркнуть, что и в эти годы Трубецкой опубликовал целый ряд исследований языков народов Северного Кавказа [Трубецкой 1987, 520–524], стремился

знакомиться с посвященными им новыми работами, издававшимися в Советском Союзе. И в тех редких случаях, когда ему удавалось получить такую работу, он оперативно печатал рецензию на нее. Такова, например, рецензия ученого на «Труды Подразряда исследования северно-кавказских языков при Институте востоковедения в Москве» [Trubetzkoy 1925].

Много времени уделял Н. С. Трубецкой восстановлению своих работ, оставленных им в разных городах на родине, и публикации их в европейских изданиях. Так, например, свои работы «О метрике частушки» и «К вопросу о стихе “Песен западных славян” А. С. Пушкина», оставленные им в России, он восстановил и издал в Париже и в Белграде [Trubetzkoy's letters and notes 1975, 10].

Более сложной была задача восстановления материалов по адыгейскому языку, мифологии и фольклору, собранных ученым в 1910–1911 гг. на Черноморском побережье.

В январе 1933 г. Трубецкой взялся за эту работу. В письме к Р. О. Якобсону от 3. II. 1933 г. он писал: «...я заметил, что уже очень многое из того, что в свое время записал у адыгейцев, начало выветриваться из моей памяти. А т.к. всё же там было кое-что интересное с фольклористической точки зрения, то я и решил напрячь память, восстановить всё, что еще возможно, и напечатать. Неожиданно для себя самого, набралось довольно много — вероятно, более двух печатных листов. При этом воскресли в памяти не только содержание текстов, но и отдельные адыгейские фразы, так что будет любопытно не только фольклористу, но и лингвисту» [Trubetzkoy's letters and notes 1975, 266].

В 1934 г. статья Н. С. Трубецкого «Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse» [Trubetzkoy 1934] — «Воспоминания о пребывании у адыгейцев в районе Туапсе» — была опубликована в журнале «Caucasica». С 1924 г. его издавал в Мюнхене, в Германии, известный лингвист Адольф Дирр (1857–1930), в 1902–1914 гг. живший и работавший в России, в Тифлисе, и занимавшийся исследованием языков народов Кавказа. С рецензии на труды этого лингвиста, как говорилось выше, началась публикация кавказоведческих работ Н. С. Трубецкого [Н. С. Т. 1909],

вместе с А. Дирром он принимал участие в 1913 г. в работе уже упоминавшегося XIII съезда естествоиспытателей и врачей в Тифлисе.

В годы эмиграции Н. С. Трубецкой продолжил научное сотрудничество с А. Дирром, который регулярно печатал в своем журнале его статьи, посвященные языкам народов Кавказа. После кончины А. Дирра в 1930 г. его преемник известный лингвист Г. Детерс сохранил и направление журнала «Caucasica», данное ему А. Дирром, и состав его авторов и опубликовал статью Трубецкого, которая, к сожалению, до сих пор неизвестна исследователям фольклора народов Северного Кавказа в России и только теперь включается в контекст современного российского кавказоведения.

Характеристике материалов по адыгейскому фольклору и мифологии, представленных в статье, Н. С. Трубецкой предпослал краткий рассказ о своей работе в 1910–1911 гг. в районах проживания адыгейцев, результаты которой, как говорилось выше, «...погибли. Чисто лингвистическую сторону моих кяхско-черкесских (т.е. адыгейских. — А. А.) исследований, — пишет Н. С. Трубецкой, — нельзя ни реконструировать, ни как-то оценить. Однако моя память сохранила содержание записанных тогда текстов, и этот материал еще может пригодиться фольклористам, <...> поэтому считаю возможным опубликовать их, причем лишь то, что не вызывает у меня сомнений. <...> Кроме того, я решил приводить в соответствующем формате предложения, точный адыгейский текст которых я хорошо запомнил. Эти фрагменты адыгейских текстов не претендуют на абсолютную точность — ведь прошло уже более 20 лет, как я их записал, однако они представляют определенный интерес, поскольку записаны на диалекте, значительно отличающемся от современного адыгейского письменного языка» [Trubetzkoy 1934, 2–3].

Сегодня, более чем через 100 лет после их фиксации, эти фрагменты адыгейских текстов представляют для исследователей адыгских языков самостоятельный интерес.

В разделе «Воспоминания о язычестве» Н. С. Трубецкой описал религиозные представления адыгейцев как «смесь

христианства и язычества», где все прежние праздники «идентичны праздникам восточно-христианской церкви» [Там же, 7–10], а также — со слов своего информанта абадзеха Карбека Хута — кратко охарактеризовал двух персонажей адыгской языческой мифологии — покровителя кузнецов и кузнечного ремесла Глепша и покровителя леса и пчеловодства Мезитху.

Основное место в статье Н. С. Трубецкого занимает описание тех жанров адыгейского фольклора, которые были представлены в его записях. В разделе «Адыгейские песни» он охарактеризовал «старые песни» (орэдыжъ) и песни, исполнявшиеся под аккомпанемент адыгского струнного инструмента пшынэ (пшыналъэ) и, как правило, сопровождавшиеся прозаическим рассказом, без которого сложно понять содержание песни.

В статье представлена «Песня Боруко», содержание и структуру которой сохранила память собирателя.

В разделе «Сказания о нартах» Н. С. Трубецкой приводит содержание трех адыгейских вариантов сказаний о богатырях-нартах, которые, по его мнению, он запомнил лучше других: «Сосруко и Шаофыж», «Сказание о Сосруко» и «Хамышыко Петрез и гибель нартов». В первом контаминированы два сюжета — о приезде к Саганей нарта Шебатнуко и о бое Сосруко с Тотрешем. В «Сказании о Сосруко» соединены три сюжета сказаний об этом герое: о добывании им огня для замерзающих нартов, о том, как волшебное колесо жан-шерх перерезало его колени, и о том, как нарты положили Сосруко в металлический гроб, из которого он не может выйти. Третье сказание — «Хамышыко Петрез и гибель нартов» — повествует о мести юного героя за смерть своего отца.

Следует особо сказать о комментариях собирателя к этому разделу. Во-первых, Н. С. Трубецкой говорит в них не только о распространенности нартских сказаний среди адыгейцев в начале XX в.: «В мое время в каждом ауле еще было, хотя и не очень много, стариков, которые могли рассказать эти сказания», но и замечает: «При этом их было не так легко уговорить, потому что исполнение нартских сказаний считалось не особенно благочестивым поступком» [Там же, 13].

До Трубецкого никто из собирателей нартского эпоса не упоминал о неодобрительном отношении окружающих к исполнению этих сказаний у адыгов.

Во-вторых, Н. С. Трубецкой представляет содержание каждого нартского сказания в сопоставлении не только со всеми публикациями нартского эпоса, изданными в XIX — начале XX в. в России, но и в сравнении с текстами адыгского нартского эпоса у потомков адыгов, выселившихся в Турцию после окончания в 1864 г. Русско-кавказской войны, записанными и опубликованными известным французским иранистом и кавказоведом Ж. Дюмезилем в 30-е годы XX в. Иначе говоря, Н. С. Трубецкой положил начало сравнительному изучению фольклора адыгских народов, проживающих на своей исконной территории, с фольклором адыгской диаспоры в странах Ближнего Востока.

Следующий раздел — «Сказания о происхождении <адыгейцев>» — содержит пересказ двух текстов: «Карлики (испы)» и «Ашинег и происхождение адыгейцев (адыгов)», представляющих варианты широко известных сюжетов о происхождении адыгов.

Во втором тексте причудливо контаминирован «исторический» сюжет о поселении адыгейцев в местах их проживания с давних времен с эпическим сюжетом о чудесном сне героя, смысл которого — предсказание будущей истории адыгов — смогла объяснить только мудрая старая женщина.

Самый значительный по объему раздел статьи Н. С. Трубецкого посвящен адыгейским народным сказкам. В нем собиратель охарактеризовал содержание следующих текстов: «Отцовские советы», «Сова», «Старый мужичонка и великаны», «Два путника», «Лесной получеловек», — хорошо известных по публикациям XIX и XX вв.

Самостоятельный интерес представляет данная Н. С. Трубецким характеристика адыгейских сказок, которые он разделил «на две группы согласно цели, которой они служат. Особую группу составляют бесконечно длинные сказки, рассказываемые много часов подряд или для развлечения дорожных спутников в скучной поездке, или для того, чтобы усыпить знатного гостя после щедрого угощения. Они состоят из свободно следующих друг

за другом приключений, архитектурно равноправных, стилистически и содержательно довольно нейтральных, поэтому не существует ясно выраженного членения и единого плана. Я попытался записать одну-единственную такую сказку (на бжедурском диалекте) от муллы в ауле Красноалександровском: после четырех часов записи я почувствовал себя таким усталым, что прервал запись, причем мулла заявил мне, что он не надиктовал еще и половины сказки» [Там же, 26–27].

Другую группу адыгейских сказок, по мнению Н. С. Трубецкого, «...образуют более короткие сказки, значительно отличающиеся от вышеназванных “длинных сказок” своим четким членением, обзорностью их общего плана (их объем может быть при этом довольно различным — от нескольких минут до получаса). С точки зрения стилистики и содержания их (как и соответствующие сказки других народов) можно подразделить на две подгруппы — назидательные и развлекательные. Их содержание образуют обычно международные странствующие сказочные сюжеты» [Там же, 27].

Приведенное свидетельство Н. С. Трубецкого представляет особый интерес, поскольку на протяжении XIX–XX вв. никто из собирателей и исследователей адыгских сказок не предлагал подобной их дифференциации. Остается размышлять: идет ли речь об индивидуальной манере исполнения сказок конкретного информанта Трубецкого или о традиции исполнения сказок именно среди адыгейцев, проживавших на Черноморском побережье.

Как видим, в статье Н. С. Трубецкого “Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse” достаточно четко показаны основные жанры адыгского фольклора — песни, нартский эпос, сказка, исторические предания — и религиозные представления адыгейцев.

Выше было сказано о первых публикациях Н. С. Трубецкого, посвященных адыгскому фольклору: «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли)» [Н. С. Т. 1909а], «Редедя на Кавказе» [Трубецкой 1911], о его докладе «Из области северно-кавказского богатырского эпоса — встреча нарта Сосрыко с великаном» [Этнография 1913]. Уже после кончины Н. С. Трубецкого в 1941 г.

в «Записках Русского научного института в Белграде» была напечатана его статья «Фольклорное общение между восточными славянами и народами Северного Кавказа» [Трубецкой 1941]. Вот, собственно, и все работы ученого, посвященные фольклору народов Северного Кавказа.

Как и многие другие ученые сочинения этого исследователя, их отличает выразительная краткость — постановка проблемы подкрепляется убедительными, четко сформулированными аргументами, открывающими пути для дальнейшего ее изучения.

В названных выше публикациях Трубецкой исследует две проблемы: 1) кавказско-русские (и шире — кавказско-восточнославянские) связи и 2) связи древнего малоазиатского и современного ему кавказского фольклора. Первой посвящены его статьи «Редедя на Кавказе» и «Фольклорное общение между восточными славянами и народами Северного Кавказа», второй — статья «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли)» и доклад «Из области севернокавказского богатырского эпоса — встреча нарта Сосрыко с великаном».

К исследованию первой проблемы Н. С. Трубецкой, несомненно, обратился под влиянием работ своего наставника в кавказоведческих штудиях академика В. Ф. Миллера, точнее — его труда «Кавказско-русские параллели» [Миллер 1891, Миллер 1891а], посвященного рассмотрению отдельных мотивов кавказских эпических сказаний, представляющих параллели или аналогии нашим былинам» [Миллер 1891, 170].

В отличие от В. Ф. Миллера, Трубецкой исследует проблему русско-кавказских фольклорных связей на другом материале — русских и адыгских свадебных песен, в которых присутствует припев «Оу Ридаде, Оу Ридадемахо, ореда!» (адыг.) и «У-редеди», «Ой-редеди», «Уряди» (рус.) и делает аргументированный вывод, что «эти русские и черкесские припевы имеют друг с другом самую тесную связь... <...> Мы уверены, что такое разительное сходство может быть объяснено не иначе как заимствованием <...>, что заимствовали русские у черкесов, а не наоборот» [Трубецкой 1911, 237].

Статья Н. С. Трубецкого «Редедя на Кавказе» примечательна еще и тем, что в ней

представлены убедительные результаты проведенного молодым ученым текстологического анализа адыгского народного предания о Редее, включенного Ш. Б. Ногмовым в его «Историю адыгейского народа» и записанного одним из немногих в XIX в. адыгов — собирателей адыгского фольклора П. Тамбиевым: Н. С. Трубецкой убедительно доказал факт фальсификации фольклорного текста последним.

Проблему связей славянского фольклора с фольклором народов Кавказа Н. С. Трубецкой исследовал и на материале нартского эпоса. В уже упоминавшемся докладе на XIII съезде естествоиспытателей и врачей 24 июня 1913 г. «Из области северно-кавказского богатырского эпоса — встреча нарта Сосрыко с великаном» Н. С. Трубецкой провел сравнительный анализ кабардинского, адыгейского, двух осетинских и балкарского вариантов сказания о встрече нарта Сосрыко с великаном в сопоставлении с аналогичными сюжетами из южнославянского и южнорусского фольклора и пришел к убедительным выводам: 1) Разбираемое сказание представляет из себя перенесенную на кавказскую почву христианско-апокрифическую легенду о похищении солнца у дьявола, известную в богумильской литературе; 2) Проникновение этой легенды на Кавказ имело место в ту эпоху, когда на Северном Кавказе было распространено христианство; 3) «Легенда первоначально проникла к адыгам, где она прикрепилась к имени популярного нарта (богатыря) Сосрыко и осложнилась всякими новыми эпизодами; уже в таком виде она перешла от адыгов к осетинам» [Трубецкой 1913, 627].

Результаты исследования взаимосвязей и взаимовлияния фольклора славянских и северокавказских народов, подробно охарактеризованного в статье

«Редее на Кавказе» и в докладе 1913 г., Н. С. Трубецкой обобщил в статье «Фольклорное общение между восточными славянами и народами Северного Кавказа», опубликованной, как уже говорилось, посмертно [Трубецкой 1941].

Особое место в кавказоведческом наследии Трубецкого занимает его первая статья, посвященная эпосу народов Кавказа, — «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли)» [Н. С. Т. 1909а].

Вслед за В. Ф. Миллером, впервые сопоставившим миф о Диорфе с осетинскими сказаниями о Сосрыко и Батразе [Миллер 1885, 87], Н. С. Трубецкой продолжил «...сравнительное изучение древнего малоазиатского и современного кавказского фольклора на материале ингушских и осетинских сказаний о рождении Сеска-Солсы» [Н. С. Т. 1909а, 89–90].

Гипотеза Н. С. Трубецкого, кратко изложенная в его статье «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли)», в конце XX в. получила подтверждение в работах исследователей, как знавших публикацию его статьи в России [Дюмезиль 1976, 121; Семенов 1959, 203; Абаев 1945; Ардзинба 1985], так и незнакомых с нею [Burkert 1979]. Нельзя не согласиться с заключением Вяч. Вс. Иванова: «Одного доказательства гипотезы молодого Трубецкого целым комплексом вновь открытых данных, касающихся хурритской (по языку связанной с северокавказскими) и хеттской традиции в их связи с отдельными малоазиатскими, кавказскими и другими, ареально не близкими, было бы достаточно для утверждения об исключительности его научной интуиции» [Гамкрелидзе, Иванов, Толстой 1987, 477].

Источники и материалы

Абаев 1945 — Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. X. Вып. 1. Дзауджикау, 1945. С. 75–82.

Богатырев 1918 — Богатырев П. Г. Верованя великоруссов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1918. Кн. СХI–СХII. № 3–4. С. 42–80.

Госархив — Госархив Ростовской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 358. Лл. 114–115, 120; Ф. 493. Оп. 2. Д. 10. Л. 9.

Дюмезиль 1976 — Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Сокр. пер. с фр. А. З. Ал-

мазовой; Под ред. Б. А. Калоева; Послел. В. И. Абаева. М., 1976.

Елеонская 1914 — Елеонская Е. Н. [Рец. на] Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края // Этнографическое обозрение. 1914. Кн. СIII–СIV. № 3–4. С. 195.

Миллер 1885 — Миллер В. Ф. [Рец. на] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Май. С. 83–96.

Миллер 1891 — Миллер В. Ф. Кавказско-русские параллели. [Ч.] 1–2 // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. X. № 3. С. 166–189.

Миллер 1891а — *Миллер В. Ф.* Кавказско-русские параллели. [Ч.] 3 // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. XI. № 4. С. 1–20.

Н. С. Т. 1909 — *Н. С. Т.* [Рец. на] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Отд. III. 1907 // Этнографическое обозрение. 1909. Кн. LXXVIII. № 3. С. 146–151.

Н. С. Т. 1909а — *Н. С. Т.* Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли) // Этнографическое обозрение. 1909. Кн. LXXVIII. № 3. С. 88–92.

Отчет 1911 — Отчет о деятельности Этнографического отдела и Музыкально-Этнографической комиссии за 1909–1910 гг. // Этнографическое обозрение. 1911. Кн. LXXXVI–LXXXVII. № 3–4. С. 263.

Отчет 1912 — Отчет о деятельности Этнографического отдела и Музыкально-Этнографической комиссии за 1910–1911 гг. // Этнографическое обозрение. 1912. Кн. XC–XCI. С. 284.

Письмо директора — Письмо директора Государственного архива Ростовской области Н. А. Чумакова от 20.09.2004 г. № 20–35/132 // Личный архив автора статьи.

Письмо замначальника — Письмо замначальника Управления Федеральной службы безопасности РФ Л. Б. Павленко № 14402/127 от 18.02.2004 г. // Личный архив автора статьи.

Письмо Трубецкого от 25/IV-1923 г. — Письмо Н. С. Трубецкого к V. I. Mansikka от 25/IV-1923 г. // Отдел рукописей и редких книг Славянской библиотеки Национальной библиотеки г. Хельсинки. Coll. 143.1.

Письмо Трубецкого от 28/IV-1923 г. — Письмо Н. С. Трубецкого к V. I. Mansikka от 28/IV-1923 г. // Отдел рукописей и редких книг Славянской библиотеки Национальной библиотеки г. Хельсинки. Coll. 143.1.

Семенов 1959 — *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Вып. 1. С. 197–219.

Соколов 1911 — *Соколов Б. М.* [Рец. на] Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 87 // Этнографическое обозрение. 1911. Кн. LXXXVIII–LXXXIX. С. 282–283.

Трубецкой 1906 — *Трубецкой Н. С.* [Рец. на] V. I. Mansikka: Das Lied von Ogoi und Novatitsa / Finnisch-Ugrische Forschungen VI, 1906 // Этнографическое обозрение. 1907. Кн. LXXIV. № 3. С. 124–125.

Трубецкой 1911 — *Трубецкой Н. С.* Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. Кн. LXXXVIII–LXXXIX. № 1–2. С. 229–238.

Трубецкой 1913 — *Трубецкой Н. С.* Из области северно-кавказского эпоса: встреча нарта Сосрыко с великаном: (Резюме доклада, прочитанного в заседании секции географии 19 июня 1913 года и прения по поводу доклада) // Труды XIII съезда русских естество-

испытателей и врачей в г. Тифлисе 16–24 июня 1913 г. Тифлис, 1916. Т. 6. С. 627.

Трубецкой 1913а — *Трубецкой Н. С.* Стефан Кирович Кузнецов. Личные впечатления // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. XCVI–XCVII. № 1–2. С. 325–331.

Трубецкой 1914 — *Трубецкой Н. С.* О стихе восточно-финских песен: Тезисы доклада, прочитанного на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1914. Вып. IX. С. 175–198.

Трубецкой 1941 — *Трубецкой Н. С.* Фольклорное общение между восточными славянами и народами Северного Кавказа // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941. С. 15–22.

Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии / Пер. с нем. А. Холодовича; Ред. С. Д. Кацнельсона. М., 1960.

Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии / Сост. В. А. Виноградова и В. П. Нерознак; Пер. с разных яз.; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др.; Послел. Т. В. Гамкрелидзе и др. М., 1987.

Трубецкой 1995 — *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995.

Трубецкой 2000 — *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М., 2000.

Этнография 1913 — Этнография на XIII съезде естествоиспытателей // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. XCVI–XCVII. № 1–2. С. 333.

Ярхо 1911 — *Ярхо Б. И.* Эпические элементы, приуроченные к имени Михаила Потыка // Этнографическое обозрение. 1911. Кн. LXXXVI–LXXXVII. № 3–4. С. 49–79.

Burkert 1979 — *Burkert W.* Von Ulikummi zum Kaukasus: Die Felsgeburt des Unholds zur Kontinuität eines mündlichen Erzählung // Würzberger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Neue Folge. Bd. 5. 1979. P. 188–192.

Jakobson 1939 — *Jakobson R.* Necrologie. Nikolai Sergeevic Trubetzkoy (16 April 1890 — 25 Juni 1938) // Acta Linguistica. Revue Internationale de Linguistique structurale. Copenhagen, 1939. Vol. 1. P. 64–78.

Trubetzkoy 1925 — *Trubetzkoy N.* [Рец. на] Труды Подразряда. Исследования северно-кавказских языков при Институте востоковедения в Москве. Вып 1: Н. Яковлев. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923; Вып. 2: Н. Яковлев. Словари примеров к таблицам фонетики кабардинского языка. М., 1923; Вып 3: Л. Жирков. Грамматика аварского языка. М., 1924 // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Paris, 1925. XVI, 3. P. 277–287.

Trubetzkoy 1934 — *Fürst N. Trubetzkoy.* Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den

Tscherkessen des Kreises Tuapse. Dem Andenken an V.F. Miller gewidmet // *Caucasica*. Begründet von A. Dirr. Herausgegeben von Gerhard Deeters. Leipzig, 1934. Fasc. 11. P. 1–39.

Trubetzkoy's letters and notes 1975 — N. S. Trubetzkoy's letters and notes / Prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran e.a. Hague; Paris, 1975 (= *Janua linguarum. Studia Nicolai Van Wijkdedicata*. Ser. minor. 47).

Исследования

Ардзинба 1985 — *Ардзинба В. Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // *Древняя Анатолия*. М., 1985. С. 128–169.

Гамкрелидзе, Иванов, Толстой 1987 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., Толстой Н. И.* Послесловие // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии / Сост. В. А. Виноградова и В. П. Нерознак; Пер. с разных яз.; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др. М., 1987. С. 492–519.

Клейнер 1985 — *Клейнер Ю. А.* Н. С. Трубецкой: Биография и научные взгляды // *Kalbotyra*. 1985. Т. XXXV (3). С. 98–110.

Нерознак 1990 — *Нерознак В. П.* Слово о Н. С. Трубецкой (к 100-летию со дня рождения) // *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1990. Т. 49. № 2. С. 148–151.

Топоров 1990 — *Топоров В. Н.* Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // *Советское славяноведение*. 1990. № 6. С. 51–84.

Топоров 1990а — *Топоров В. Н.* Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // *Советское славяноведение*. 1991. № 1. С. 78–99.

Трубецкой и современная филология 1993 — Н. С. Трубецкой и современная филология / РАН. Отделение лит-ры и языка. Комиссия по истории филол. наук. Редколл. Панченко А. М. (гл. ред.) и др. М., 1993 [1994].

© А. И. Алиева, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алиева А. И. <https://orcid.org/0000-0001-5392-079X>

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., д. 25а; тел.: + 7 (495) 690-50-30; e-mail: matilda19@mail.ru

THE HERITAGE OF N. S. TRUBETSKOY'S STUDY OF THE CAUCASUS

ALLA I. ALIEVA

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *The scholarly heritage of the outstanding Russian thinker philologist Nikolai S. Trubetskoj (1890–1938), whose works in the fields of Philology, Ethnology, and the History of Culture contributed to the creation of new scholarly directions and disciplines, and who emigrated from Russia in 1920, began to return to his homeland only in the 1960s. For more than half a century since then, Trubetskoj's major works on General, European and Caucasian Linguistics, the history of Russian literature, and problems of Eurasianism have been published in our country. Unfortunately, until now Trubetskoj's work on the folklore of the peoples of the North Caucasus, mainly that of the Adyghe peoples, has not been acknowledged by scholars.*

For the first time this article describes the totality of these works that Trubetskoj wrote in his student years. The article also describes two expeditions Trubetskoj took in 1910 and 1911 to areas where Adygeans lived. The scholar not only thoroughly studied the Adygeian language, but also collected considerable material on the pagan mythology and folklore of the Adyge peoples, which he studied and prepared for publication, together with an Adygeian grammar. The article briefly describes the tragic fate of these materials that were irretrievably lost.

However, after twenty years Trubetskoj was able to restore much that his remarkable memory was able to preserve in the article "Memories of My Sojourn with the Adygeans in the Tuapse Region". Published in German in the journal "Caucasica", this article, still mostly unknown to Russian scholars of the Caucasus, is published here for the first time in Russian translation.

Key words: *Trubetskoj, mythology, folklore, religious representations of the peoples of the North Caucasus.*

Acknowledgements. *Research for this article was carried out under the Russian Foundation for Humanities project No. 16-0400006 "History of Russian academic Caucasian studies in essays and biographies".*

Received: October 30, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Alieva A. I. The Heritage of N. S. Trubetskoj's study of the Caucasus. *Traditional Culture*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 127–139. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.011

References

Ardzinba V. G. (1985) Nartskiy syuzhet o rozhdanii geroya iz kamnya [The Narts' plot about the birth of a hero from stone]. In: *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow. Pp. 128–169. In Russian.

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs., Tolstoy N. I. (1987) Poslesloviye [Afterword]. In: *Trubetskoj N. S. Izbrannyye trudy po filologii* [Selected works on Philology]. Transl. from diff. lang. Moscow. Pp. 492–519. In Russian.

Kleyner Yu. A. (1985) N. S. Trubetskoj: Biografiya i nauchnyye vzglyady [A. N. Trubetskoj: biography and scholarly views]. *Kalbotyra*. 1985. Vol. XXXV (3). Pp. 98–110. In Russian.

Neroznak V. P. (1990) Slovo o N. S. Trubetskom (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Speech on N. S. Trubetskoj (On the 100th anniversary of his birth)]. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language series]. 1990. Vol. 49. No. 2. Pp. 148–151. In Russian.

Panchenko A. M. et al. (ed.) (1993 [1994]) *N. S. Trubetskoj i sovremennaya filologiya* [Trubetskoj and contemporary philology]. Moscow. In Russian.

Toporov V. N. (1990) Nikolay Sergeevich Trubetskoj — uchenyy, myslitel', chelovek (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolay Sergeevich Trubetskoj — scholar, thinker, man (On the hundredth anniversary of his birthday)]. *Sovetskoye slavyanovedeniye* [Soviet Slavic studies]. 1990. No. 6. Pp. 51–84. In Russian.

Toporov V. N. (1991) Nikolay Sergeevich Trubetskoj — uchenyy, myslitel', chelovek (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolay Sergeevich Trubetskoj — scholar, thinker, man (On the hundredth anniversary of his birthday)]. *Sovetskoye slavyanovedeniye* [Soviet Slavic studies]. 1991. No. 1. Pp. 78–99. In Russian.

© A. I. Alieva, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Alla I. Alieva <https://orcid.org/0000-0001-5392-079X>

E-mail: matilda19@mail.ru

Tel.: + 7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

DSc in Philology, Chief Scientific Researcher, Department of Folklore, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)